

П. Поливанов

**Алексеевский рavelин:
отрывок из воспоминаний**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П. Поливанов**
Алексеевский рavelин: отрывок из воспоминаний / П. Поливанов – М.: Книга
по Требованию, 2016. – 130 с.

ISBN 978-5-518-01646-0

ISBN 978-5-518-01646-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Отрывокъ изъ воспоминаній.

«Redivivus et ultor.»

Дорогіе друзья! Вы такъ интересовались мной, моимъ прошлымъ, всёмъ тѣмъ, что мнѣ пришлось испытать и пережить, что я рѣшилъ послать Вамъ этотъ отрывокъ изъ воспоминаній. Я думаю, что онъ не годится для печати въ томъ видѣ, въ какомъ написанъ. Дѣло въ томъ, что я писалъ его, думая о моихъ дорогихъ старыхъ друзьяхъ и товарищахъ, почему тутъ такъ и много намековъ на нѣкоторые лица и событія, которыя могутъ быть поняты тѣми, кто зналъ и любилъ меня. Центромъ разсказа является моя личность съ ея страданіями, думами, воспоминаніями, чувствами, множествомъ мелкихъ подробностей, которыя не всёмъ могутъ показаться интересными и, безъ сомнѣнія, этотъ разсказъ долженъ будетъ подвергнуться передѣлкѣ для того, чтобы могъ появиться въ печати. Я писалъ такъ, какъ будто обращался къ дорогимъ и любящимъ меня людямъ, для которыхъ мой разсказъ,—при всѣхъ его недостаткахъ, несовершенствахъ,—будетъ все-таки представлять интересъ, возбудить который онъ не могъ-бы среди большой публики.

I.

... 27-го октября 1882 г., часу въ десятомъ вечера, позднѣе, на которомъ я былъ вывезенъ изъ Москвы, вѣхалъ подъ желѣзный навѣсъ Николаевскаго вокзала. Я находился, какъ это бываетъ всегда, въ заднемъ, служебномъ вагонѣ, а потому и очутился противъ наименѣе оживленной,—лучше сказать,—противъ безлюдной части платформы. На ней промелькнулъ какой-то кондукторъ, потомъ смазчикъ, потомъ еще какой-то железнодорожный чинъ, махавшій на ходу руками и кричавшій кому-то: «поди сюда». Изъ окна мнѣ была видна только часть стѣны вокзала и фонарь, окруженный мутнымъ сіяніемъ, что

указывало на обиліе въ воздухѣ водяныхъ паровъ, и, сдѣлавъ это научное наблюденіе, я замѣтилъ, что болѣе наблюдать мнѣ нечего, а потому расположился поудобнѣе на своей скамейкѣ, вытянулъ ноги, откинулся къ спинкѣ сидѣнья и, закуривъ папиросу, то слѣдилъ за клубами голубоватаго табачнаго дыма, медленно расплывавшимися въ воздухѣ, то прислушивался къ тому гулу, которымъ всегда сопровождается разбѣздъ публики съ большого вокзала. Отдѣльных звуковъ пока не было слышно. Все заглушалось топотомъ ногъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, спѣшившихъ скорѣе выбраться изъ вагона, получить багажъ и, усѣвшись на извозчика, скорѣе добраться, если не до своихъ пенатовъ, то хоть до Знаменской гостиницы. У меня не могло быть никакихъ подобныхъ заботъ; я зналъ, что благопопечительное начальство приготовить для меня и карету, и квартиру, соответствующую моему званію, а багажъ мой былъ на попеченіи двухъ жандармскихъ унтеръ-офицеровъ, сопровождавшихъ меня изъ Москвы. Скоро, однако, гулъ началъ стихать и изъ него стали выдѣляться отдѣльные звуки, и ухо улавливало то стукъ колесъ по мостовой, то сердитый окрикъ жандарма, осаживающаго, должно быть, какого-нибудь извозчика, то крикъ: «подавай», то отрывистыя приказанія желѣзнодорожнаго начальства, но все заглушали по временамъ отчаянные свисты, должно быть, сигнальные, маневрирующаго локомотива. Наконецъ, все стало стихать, кромѣ проклятаго локомотива, которому вдругъ началъ вторить другой. Этотъ дуэтъ страшно рѣзалъ ухо; я снова выглянулъ въ окно, чтобъ посмотреть нѣтъ ли чего новаго, но все оказалось по прежнему: влажная отъ осенняго тумана платформа также безлюдна, фонарь горитъ тѣмъ же дрожащимъ и мутнымъ свѣтомъ. Я простоялъ минуты двѣ и снова хотѣлъ спокойно усѣсться, какъ вдругъ вдали послышался топотъ бѣгущаго человѣка; я повернулъ голову и увидѣлъ какого-то не то машиниста, не то кочегара. Это меня окончательно разочаровало, и я было отошелъ отъ окна, но вдругъ передъ нимъ, словно изъ земли, выросъ какой-то сѣденькій жандармскій штаб.-офицеръ.

Появленіе этого голубого архангела было для меня совсемъ неожиданно, и я, будучи увѣренъ въ томъ, что онъ не слетѣлъ ко мнѣ съ небесъ, сталъ сначала вновь осматривать стѣну вокзала, но тамъ не было видно никакой двери, потомъ платформу, но и тамъ не замѣтилъ ни хода какого-нибудь, ни

лѣстницы, ни даже траппа, изъ котораго мой архангелъ могъ бы выскочить на манеръ опернаго Мефистофеля. Внимательно разсматривая и въ то же время какъ будто не глядя на меня, этотъ офицеръ сталъ прохаживаться мѣрнымъ шагомъ предъ моимъ вагономъ. Если я начиналъ пристально смотрѣть на него, то онъ возводилъ очи горѣ, къ желѣзному навѣсу за неизмѣннѣмъ небесъ, или же опускалъ ихъ внизъ, словно я былъ какой-то аспидъ и василискъ, могущій злобнымъ своимъ взглядомъ убитъ человѣка. Я усѣлся и закурилъ новую папиросу, но сейчасъ же вздрогнулъ отъ внезапнаго толчка: дали задній ходъ, и поѣздъ сталъ медленно подаваться въ обратномъ направленіи. Предъ моимъ взглядомъ прошли децимальные вѣсы, бухта веревокъ, фонарь, груда какихъ-то тюковъ, покрытая рогожей, опять фонарь, затѣмъ наступила тьма кромѣпная, по голубой архангелъ все шелъ тѣмъ же мѣрнымъ шагомъ противъ моего окна и, время отъ времени, поглядывалъ на меня какъ-то сбоку. Мы уже вышли изъ-подъ навѣса и остановились гдѣ-то у конца, или, если хотите, начала платформы. Мои жандармы, въ виду близости начальства, подтянулись, оправдали свою амуницію и не имѣли вида сонныхъ рохлей, какими выглядывали всю дорогу. Время отъ времени они посматривали на дверь вагона, и я понялъ, что пора собираться. Дѣйствительно, скоро вошелъ жандармскій унтеръ и что-то шепнулъ подошедшему къ нему моему старшему. «Ну, пожалуйста!» обратился ко мнѣ носифдній.

Я застегнулъ пальто, повязалъ кашнэ, поправилъ шляпу и направился къ выходу. Старшій предупредительно распахнулъ мнѣ дверь, а второй унтеръ понесъ мои вещи. Пройдя нѣкоторое разстояніе по платформѣ, мы спустились съ нея на мостовую и, какъ мнѣ показалось, это было то самое мѣсто, гдѣ меня сажали изъ кареты въ декабрѣ 78 г., когда я шелъ въ административную ссылку. Теперь тоже стояла карета, близъ которой толпилось нѣсколько человѣкъ городовыхъ и околоточныхъ, а подальше совсѣмъ уже въ тьмѣ, видѣлась группа какихъ-то «особо на сей предметъ командированныхъ чиновъ», къ нимъ присоединился шедшій за мной сѣденьскій офицеръ, а я усѣлся въ карету. Подскочившій городской молодцовато захлопнулъ дверцу, но мы продолжали еще стоять нѣкоторое время, пока какой-то грубый начальственный голосъ не крикнетъ: «пошелъ!» Ручеръ тронулъ вожжами, и карета плавно покатилъ

лась, убаюкивая меня мѣрнымъ качаніемъ рессоръ. Переѣхали черезъ площадь, карета направилась по Невскому, гдѣ мнѣ представился послѣдній случай видѣть картину вечерней уличной жизни. Къ сожалѣнію, хотя жандармы забыли завѣсить окна кареты, видно было очень мало. Ночь была туманная, ѣхали мы по срединѣ улицы, и на такомъ разстояніи прохожіе казались какими-то китайскими тѣнями, а не живыми людьми. Очевидно, не «себя прогуливать», какъ выражался одинъ мой знакомый нѣмецъ, вышли все они на улицу въ такой часъ, и такую погоду. Каждый шелъ по своему дѣлу, каждый торопился, каждый, ежась отъ холода, сырости и, Богъ вѣсть, откуда падающихъ за шею капель воды, заботился о томъ, чтобы глубже надвинуть на глаза шляпу, выше поднять воротникъ. Туманъ былъ такъ силенъ, что не только фонари свѣтили тускло, но даже блестящія витрины магазиновъ не производили никакого эффекта.

Мы свернули на Литейный, и тутъ сердце у меня дрогнуло: передо мной мельнула фигура студента Медико-хирургической Академіи (нынѣ Военно-Медицинская) въ форменномъ пальто. Можетъ быть, кто-нибудь изъ старыхъ товарищей? подумалъ я. Лица я не могъ рассмотреть, такъ какъ, шагая огромными шагами навстрѣчу нашей каретѣ, онъ слишкомъ быстро печезъ изъ моего поля зрѣнія. На углу Пантелеймоновской у меня произошла встрѣча, глубоко запечатлѣвшаяся въ памяти: кучеръ повернулъ очень круто, у самаго угла не сдержалъ лошадей. Паша карета обратила на себя вниманіе двухъ премиленныхъ курсисточекъ, стоявшихъ на углу. Можетъ быть, онѣ остановились просто, чтобы дать проѣхать каретѣ, можетъ быть, замѣтили жандармовъ и даже меня. Я шагнулъ къ окну и успѣлъ ихъ хорошо рассмотреть. У одной изъ нихъ, какъ сейчасъ помню, была подъ мышкой связка книгъ, а другая держала въ рукахъ бумажный мѣшокъ, изъ котораго выглядывалъ кончикъ булки. Въ ту же минуту обѣ онѣ взглянули на меня, и въ глазахъ ихъ я прочелъ выраженіе жалости, сочувствія. Это былъ послѣдній взглядъ сочувствія, который я видѣлъ, уходя изъ жизни,—на сколько времени?—Я самъ не могъ отвѣтить на этотъ вопросъ, а дѣло было похоже на то, что ухожу я навсегда; но долго раздумывать было некогда, карета остановилась передъ воротами бывшаго III Отдѣленія собственной Его Имп. Велич. Канцеляріи, гдѣ, по упраздненіи III Отдѣленія, остался штабъ корпуса жандармовъ.

Съвозъ стекло оконца кабинки показалась какая-то физиономія, затѣмъ ворота сейчасъ же распахнулись, и мы въѣхали на знакомый мнѣ дворъ: нѣскольکو тянулось однопэтажное зданіе, гдѣ находились прежде квартиры какихъ-то служащихъ въ этомъ учрежденіи. Затѣмъ, подлѣ прямымъ угломъ отъ этого зданія шло поперекъ двора, раздѣляя его на двѣ части, другое зданіе, четырехэтажное съ пролетомъ посрединѣ. Я тотчасъ же узналъ въ этомъ зданіи первый подъѣздъ съ лѣвой стороны, такъ какъ въ 78 г. меня возили сюда на допросъ, и я вспомнилъ, что надъ первой дверью площадки второго этажа была прибита доска съ надписью «Канцелярія для производства дѣлъ о преступленіяхъ государственныхъ». Въ одной изъ комнатъ этой канцеляріи и былъ тогда учиненъ мнѣ допросъ; но карета остановилась не тутъ, а у перваго подъѣзда съ правой стороны пролета. Надъ подъездомъ красовалась надпись «Канцелярская», — что меня сначала изумило; вѣдь не жалованье же получать привезли меня сюда! Старшій выпелъ изъ кареты и сталъ подниматься по лѣстницѣ, я же попробовалъ вступить въ разговоръ съ оставшимся со мной наединѣ младшимъ унтеромъ, но онъ, видимо, боялся сказать мнѣ что-нибудь, отвѣчая уклончиво и неопредѣленно: «мы развѣ можемъ это знать?» «этого я знать не могу», и т. д. Скоро старшій вернулся и опять попросилъ меня «пожаловать».

Меня повели къ первому, знакомому мнѣ, подъѣзду. Мы поднялись на площадку второго этажа, гдѣ, по прежнему, надъ первой дверью виднѣлась вышеупомянутая надпись. Но, минуя эту дверь, жандармы повели меня по корридору направо, въ концѣ котораго оказалась дверь, ведущая въ какую-то прихожую. Тамъ висѣли два-три пальто, стоялъ зонтикъ и палка, а на диванѣ противъ двери дремалъ какой-то старый, прѣстарый хрычъ въ зеленомъ двубортномъ сюртукѣ съ бронзовыми пуговицами, должно быть, такъ называемый курьеръ. Онъ быстро вскочилъ на ноги, протеръ глаза и, перешепнувшись со старшимъ унтеромъ, пошелъ докладывать о нашемъ прибытіи въ сосѣднюю комнату, — дверь въ которую была открыта настежь, — молодому человѣку, очевидно, дежурному чиновнику, который въ это время былъ занятъ надписываніемъ чего-то на бланкахъ, лежавшихъ передъ нимъ цѣлой грудой. Молодой человѣкъ всталъ, посмотрѣлъ на меня съ любопытствомъ и ушелъ куда-то во внутренніе апартаменты, откуда вернулся черезъ двѣ —

три минуты въ сопровожденіи благообразнаго бритаго старичка со слащавыми манерами. Какъ разъ въ это время вошелъ жандармъ, ходившій за моими вещами.

«Это напрасно»,—елейнымъ голосомъ замѣтилъ старичекъ, и въ то же время отвѣсилъ мнѣ элегантнѣйшій поклонъ.—«они тутъ не останутся».

Жандармъ въ недоумѣніи поставилъ вещи на полъ, по молодой чиновникъ, почтительно нагнувшись къ уху старика, что-то шепнулъ ему.

«Ахъ!—да, да оставьте тутъ вещи»,—сказалъ старичекъ, —«а за офицеромъ послали уже?»

«Они сейчасъ будутъ», доложилъ хричъ.

И, дѣйствительно, почти сію же минуту гдѣ-то послышался лягъ и звонъ, затѣмъ распахнулась дверь и вошелъ молодой жандармскій офицеръ съ громадной лысиной совѣтъ даже не по чину: онъ былъ всего только поручикъ. Этотъ офицеръ былъ обвѣшанъ всеми бирюльками полной жандармской формы: металлическія эполеты, аксельбанты, металлическая ля-дунка, шарфъ, португеза, шашка, револьверъ—все это при каждомъ движеніи звякало и сверкало, что, видимо, очень нравилось бравому поручику. Граціозно склонивъ голову нѣсколько въ бокъ и щельнувъ шпорами, онъ поздоровался со мной, а затѣмъ подошелъ къ старому чиновнику, и они заговорили вполголоса. Я могъ разобрать только послѣднія слова старичка: «знаете, рядомъ съ тѣмъ, который давно». Офицеръ склонилъ голову и сказалъ: «слушаю-съ». Потомъ, обратившись ко мнѣ и снова щелкнувъ шпорами, сказалъ: «прошу пожаловать»; жандармамъ онъ скомандовалъ: «сабли—вонъ!».

И повели меня, раба Божія, столь торжественно, какъ еще никогда не приходилось ходить въ предѣлахъ тюремной территоріи, ибо въ судъ, слушать приговоръ въ окончателной формѣ, меня вели подъ конвоемъ цѣлой полуроты пѣхоты, десятка конныхъ полицейскихъ и множества околоточныхъ, но тогда вели по улицамъ города.

Впереди шелъ жандармъ съ обнаженной шашкой, сзади жандармъ съ обнаженной шашкой, а сбоку офицеръ. Мы спустились на дворъ, вошли въ тотъ самый подъѣздъ съ надписью «Казначейская», у котораго первоначально остановилась карета; потомъ, взойдя на второй этажъ, повернули въ корридоръ направо, и я очутился въ комнатѣ дежурнаго офицера, какъ зна-

чилось надъ дверью. Поручикъ сначала величественно скомандовалъ: «сабли въ но-жны!» Затѣмъ, любезно усадилъ меня, предложилъ папиросу и сталъ заносить въ книгу опись моихъ вещей. Потомъ онъ сказалъ съ очень милой улыбкой, что мени надо обыскать. Въ этомъ обыскѣ онъ принялъ личное участіе, вѣроятно, не довѣряя служебному рвенію жандармовъ; въ это время, кромѣ моихъ, вошелъ еще рядовой жандармъ изъ караула, и, хотя онъ выворачивалъ карманы моего пальто самымъ любезнымъ образомъ, хотя онъ встряхивалъ вынутый оттуда носовой платокъ съ тою же милой улыбкой, съ какой онъ предложилъ мнѣ папиросу, но процедура, такъ называемая, «личнаго обыска», вещь столь унижительная и въ то время была для меня столь мало привычная, что ни улыбка, ни новое предложеніе папиросы послѣ обыска, отъ которой я, понятно, отказался, не могли заглушить во мнѣ чувства оскорбленнаго человѣческаго достоинства, и по тѣлу пробѣжала дрожь. Скоро, однако, мнѣ пришлось привыкнуть и не къ такимъ вещамъ, но объ этомъ послѣ.

Когда все было окончено, поручикъ предложилъ мнѣ слѣдовать за нимъ, снова скомандовалъ: «сабли вонъ!» И снова началось шутливое шествіе. Когда мы вошли на площадку третьяго этажа, тамъ сейчасъ-же, словно по мановенію волшебнаго жезла, распахнулись двери и справа и слѣва. За этими дверями были видны вторыя, рѣшетчатыя, желѣзныя двери, за которыми стояло по жандарму съ обнаженной шапкой. Офицеръ повернулъ направо, и меня поразила физіономія часового, который, услышавъ, очевидно, наши шаги, открылъ черезъ рѣшетку наружныя двери. Молодой, еще безусый, съ ухарски заломленной на бокъ безкозырной фуражкой, съ наглымъ выраженіемъ полного и румянаго лица и выпуклыхъ бычачьихъ глазъ,—онъ показался мнѣ типомъ опричника. По знаку офицера «опричникъ» отперъ замокъ и распахнулъ внутреннюю дверь. Мы вошли въ корридоръ, гдѣ слѣва шла глухая стѣна, а справа—рядъ камеръ.

Проходя мимо двери № 1, я былъ удивленъ тѣмъ, что она была не только заперта, но и запечатана. Замокъ былъ обвязанъ бичевкой, концы которой были припечатаны къ четвертушкѣ бумаги. Ничего подобнаго ни у меня, ни у моего соседа въ № 3 не было, и кто сидѣлъ въ № 1—я и до сихъ споръ не знаю. На слѣдующій день я убѣдился, что всякій разъ,

когда заходили къ этому таинственному узнику, при этомъ присутствовалъ офицеръ, лично взламывавшій печать и снова запечатывавшій замокъ.

Дверь № 2 была распахнута и, войдя въ назначенную мнѣ камеру, я былъ приятно удивленъ ея уютнымъ видомъ, столь непохожимъ на всѣ тюремныя помѣщенія, которыя я видѣлъ на своемъ вѣку.

Нужно замѣтить, что меня возили только на допросъ въ III Отдѣленіе (въ 78 г.), но тамъ я не сидѣлъ и зналъ эту кутузку лишь по разсказамъ товарищей, которымъ пришлось тамъ побывать. Моя камера представляла изъ себя большую комнату въ два окна, стекла которыхъ оказались, однако, матовыми, но и это замѣтилъ не сразу. Межъ оконъ стоялъ письменный столъ съ ящикомъ, а передъ нимъ стулъ. вмѣсто обычной лампы на столѣ стояла стеариновая свѣча. Полъ былъ деревянный, крашеный. Направо отъ двери находилась круглая печь, обитая желѣзомъ, а у правой стѣны помѣщалась вполнѣ приличная желѣзная кровать съ мѣдными шариками на столбикахъ въ головахъ и ногахъ. Постель была покрыта хорошимъ байковымъ одеяломъ. Даже дверь, съ обычной мѣдной ручкой, не имѣла бы вида тюремной двери, если бы въ ней не было прорѣзано четырехугольное отверстіе со стекломъ, забранное внутри мѣдной рѣшеткой, а снаружи закрывавшееся черной заслонкой. Меня попросили раздѣться, дали хорошее тонкое бѣлье съ клеймомъ Ш. К. Ж., т. е., штабъ корпуса жандармовъ, туфли и щегольской синій халатъ на красной подкладкѣ. Поручикъ предложилъ прислать мнѣ чаю, замѣтивъ, что свѣчу тушить не полагается; нельзя также имѣть собственныхъ папиросъ, вмѣсто которыхъ даются казенныя, но такъ какъ теперь время позднее и онъ не знаетъ можно ли достать папиросъ, то пока онъ оставилъ мнѣ пару. Съ этими словами онъ вынулъ папиросы изъ моего портсигара и подалъ, прибавивъ, что «этого, собственно говоря, не полагается, да ужъ. ну!...» Тутъ бравый поручикъ махнулъ рукой, но тотчасъ же, словно испугавшись проявленнаго либерализма, обратился къ рядовому жандарму, игравшему здѣсь роль прислуги, и велѣлъ сходить къ вахтеру и узнать, есть ли у него «для нихъ» папиросы. Жандармъ вернулся съ коробочкою готовыхъ папиросъ, и тогда поручикъ попросилъ меня вернуть собственные, которыя онъ только что

мнѣ далъ. Затѣмъ, щелкнувъ шпорами и пожелавъ спокойной ночи, онъ вышелъ, чему я былъ очень радъ.

Конечно, жандармское нахальство и грубость возмутительны и оскорбительны, но меня также возмущаетъ подобная преувеличенная вѣжливость и любезность. Вѣдь,—подумалъ я,—этотъ офицеръ завтра спроситъ, можетъ быть, жандарма: «а есть у тебя «для нихъ» кандалы?» И это все тѣмъ же любезнымъ тономъ, съ той же милой улыбкой.

Черезъ нѣсколько минутъ мнѣ принесли на подносѣ двѣ кружки чая и маленькій розанчикъ. Хотя чай оказался не горячимъ, а только теплымъ, все же я выпилъ его не безъ удовольствія и, закуривъ казенную папиросу, сталъ ходить изъ угла въ уголъ, ломая голову надъ вопросомъ: зачѣмъ меня сюда привезли. Мнѣ казалось, что власти, въ виду особаго характера моего преступленія, рѣшили не держать меня въ провинціальномъ острогѣ, а запретъ куда-нибудь покрѣпче, но раньше я этого не думалъ, основываясь на словахъ Толстого (м-ра вн. дѣль), который сказалъ сестрѣ Новицкаго, что насъ обоихъ будутъ держать въ Саратовѣ до весны. Правда, я колебался въ своемъ довѣрїи къ словамъ Толстого, когда, вскорѣ послѣ объявленія помилованія *), ко мнѣ зашелъ губернаторъ **); и началъ плакаться, что ему изъ-за меня было много неприятностей, что онъ уже просилъ, чтобы меня убрали поскорѣе, а моему отцу онъ говорилъ, что теперь, можетъ быть, уже со всѣхъ четырехъ сторонъ ведутъ подѣопы подъ острогъ, что онъ боится какихъ-либо новыхъ происшествій, ибо у людей, какъ и, способныхъ на такое самопожертвованіе, всегда есть подобные же предаппые друзья. Тогда я только посмѣялся надъ его кудахтаньемъ. Меня несомнѣнно увезли бы и безъ того, но все таки я подумалъ о возможности увоза и рѣшилъ, что меня посадятъ въ Бутырки, гдѣ обыкновенно сидѣли наши до начала этапнаго движенія весной, ибо специально политическія пересыльные тюрьмы въ Вышнемъ Волочкѣ и Мценскѣ, существовавшія въ 79 и 80 годахъ, нынѣ уже упразднены. Ужаснаго въ этомъ я не видѣлъ ничего, и весьма легкомысленно смот-

*) Я былъ осужденъ 21-го сентября 1882 г.; 19 октября было объявлено помилованіе, а 25 октября меня увезли.

**) Губернаторъ Саратова, Алексѣй Алексѣевичъ Зубовъ (теперь служить въ IV Отд. Вѣд. Нип. Марш). кузень моей матеря, значить, мой двоюродный дядя.

рѣлъ на свое положеніе, но за то и былъ очень удивленъ, когда вечеромъ 25 октября ко мнѣ пришелъ полиціймейстеръ и объявилъ, что получена телеграмма, предписывающая отправить меня въ Петербургъ съ первымъ же поѣздомъ. Я много и долго думалъ, но ни до чего додуматься не могъ; только предчувствіе чего-то сквернаго, не оставившее меня всю дорогу, стало принимать теперь болѣе опредѣленныя формы. Мнѣ кажется несомнѣннымъ, что меня будутъ держать въ крѣпости до самой отправки партіи въ Сибирь,—я былъ еще настолько наивенъ, что не считалъ возможнымъ попасть «за такіе пустяки»;—какъ попытка освобожденія вооруженною силою, сопровождавшаяся убійствомъ,—въ Алексѣевскій рavelинъ, который, казалось мнѣ, предназначенъ только для царубійцъ и членовъ Исполнительнаго Комитета, но даже и при такомъ допущеніи — будущее мнѣ не улыбалось.

Я зналъ, въ какихъ условіяхъ держали въ Трубецкомъ (бастіонѣ) политическихъ каторжанъ, зналъ, въ какомъ ужасномъ состояніи оттуда вывозили, иногда даже черезъ какихъ-нибудь шесть мѣсяцевъ, не говоря о тѣхъ, которымъ пришлось провести тамъ годъ или болѣе, а еще — обращеніе на «ты»; быть можетъ, кандалы, бритые головы, побой, наконецъ... Да, отъ этого можно въ мѣсяць сойти съума. И я слалъ горячія проклятія тому человѣку, который уничтожилъ послѣ объявленія помилованія, ядъ, полученный имъ для передачи мнѣ. Вѣдь онъ мнѣ могъ бы очень и очень пригодиться. Угнетало меня еще и то, что я не успѣлъ передать на волю нѣкоторыхъ вещей, а теперь уже поздно. Я ругалъ себя на чемъ свѣтъ стоитъ за то, что во время не написалъ всего, что было нужно; я рѣшилъ подождать пріѣзда сестры, хлопотавшей въ Петербургъ о моемъ помилованіи, желая ей объяснить кое-что болѣе толково въ личномъ разговорѣ,—сестру же я ждалъ, судя по телеграммѣ, со дня на день, но моя медлительность послужила только къ подтвержденію древняго изреченія: не откладывай до завтра того, что можешь сдѣлать сегодня.

Странно меня волновало и то, что мой внезапный увозъ будетъ страшнымъ ударомъ для отца, и безъ того совершенно разбитаго всѣмъ прошедшимъ, да и многое, многое другое поднимало въ груди волну жгучей душевной боли. — Потомъ, какъ-то вдругъ, я перешелъ къ болѣе радостнымъ воспоминаніямъ. Съ чувствомъ горячей любви и признательности вспо-